

Павел Хмелевски
(Лодзь)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА
В ПОДДЕРЖИВАНИИ МИРА И МЕЖДУНАРОДНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ДО НАЧАЛА II МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Концепцию политики мирного сосуществования историки и политологи обычно называют „ленинской концепцией сосуществования“. Пол царства тому, кто в *Сочинениях* В. И. Ленина нашёл бы определение и спецификацию той политики, дефиницию, которой приняли в 1955 г. участники конференции в Бандунге.

По-моему, Ленину не была нужна дефиниция мирного сосуществования, так как в 1918–1919 годах он по-прежнему верил в то, что социалистическая революция может распространиться за пределы России, по странам так называемым „капиталистического окружения“. Л. Троцкий и не только он, также верил в распространение революции, но этот вопрос оставим – он требует отдельного обсуждения.

В конце двадцатых годов Советская Россия, заметив ограничение возможности участия в международном движении, направленном на разоружение в пределах Лиги наций (1928–1929) начала действовать вне международноправовой структуры Лиги, в результате чего – 9.02.1929 г. в Москве был подписан протокол о досрочном введении в действие пакта Брианда-Келлога.

Опыт, связанный с первыми контактами с Лигой наций в сфере деятельности, направленной на разоружение, не мог вселять оптимизма у советских руководителей. Свои сомнения насчёт эффективности переговоров, посвящённых этому вопросу представил Иосиф Сталин: „К чему привела болтовня Лиги наций по вопросу о мире, о разоружении, о сокращении вооружений? Ни к чему хорошему, кроме обмана масс, кроме новых вспышек вооружения, кроме нового обострения назревающих конфликтов. [...] Лига наций есть не инструмент

мира и разоружения, а инструмент прикрывания новых вооружений и подготовки новых войн”¹.

6.02.1933 г. советская делегация внесла на форуме Международной конференции по сокращению и ограничению вооружения проект конвенции об определении „агрессора”. Согласно основным положениям документа все государства имеют равные права на независимость, безопасность, защиту своей территории, свободное развитие государственных учреждений, и никакие причины политического, милитаристского, экономического или другого характера не могут ни оправдать агрессию, ни смягчить ответственность за нападение.

Теперь можно бы привести ряд примеров дипломатических акций, предпринятых Советским Союзом в пределах его присутствия де-факто и де-юре в Лиге наций. Советский Союз не возлагал сколько-нибудь значительных надежд на то, что организация того типа на самом деле окажется в состоянии обеспечить мир и международную безопасность.

Нужно смотреть правде в глаза: присутствие СССР в Лиге наций было лишь частичным, фрагментарным. Ибо, по-моему, в силу доктрины общественного строя, прежде всего, а также в силу своей внешней политики, СССР не был заинтересован в достижении целей, которые ставили перед собой страны-основатели Лиги, т.е. Франция и Великобритания, по-прежнему занимавшие прочную позицию как колониальные державы.

Странное дело: Соединённые Штаты Америки, которые должны быть членом Лиги наций не вступили в неё, учитывая политуку изоляционизма и, пожалуй, отказ от намерений колониальных завоеваний.

В тридцатые годы, будучи уже членом Лиги наций, СССР не отказывался от концепции создания региональных систем в Европе, согласных с законами Лиги наций, так как видел в этих системах своего рода альтернативу для создания системы коллективной безопасности, которая должна гарантировать самым фактом существования Лиги.

Анализируя кризисную ситуацию, создавшуюся на известной Женевской конференции, ЦК ВКП(б) принял 12.12.1933 г. существенное постановление, обозначившее поворот, а скорее коррекцию тактики в советской внешней политике.

Ввиду агрессивных выступлений Гитлера², а прежде всего ввиду его

¹ J. Stalin, *Dziela*, t. 10, Warszawa 1950, с. 277–278.

² Примерно: 4.02.1933 г., заявление Гитлера англо-американским журналистом: „между коммунизмом и Германией не должно быть компромисса”. Альфред Росенберг в интервью данному американским журналистам заявил: „Наше внимание обращено теперь на Восток. Там находится будущий рынок Европы”. Больше на эту тему – Г. Л. Розанов, *Германия под властью фашизма*, Москва 1961, с. 227–228.

заявления осенью 1933 г. о том, что восстановление советско-германских отношений есть невозможно в духе Рапалло³, ЦК ВКП(б) поручил советским дипломатам разработать эффективную систему коллективной безопасности в Европе и затем довести до её создания.

Рабочий план, состоящий из пяти пунктов, разработанный Народным Комиссарятком Иностранных Дел (далее – НКВД), и затем 20.12.1933 г. утверждённый Политбюро ЦК⁴, предполагал:

- „1. СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу наций.
2. СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии.
3. СССР согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши.
4. Переговоры об уточнении обязательств будущей конвенции о взаимной защите могут начаться по представлении Францией, являющейся инициатором всего дела, проекта соглашения.
5. Независимо от обязательств по соглашению о взаимной защите, участники соглашения должны обязаться оказывать друг другу дипломатическую, моральную и, по возможности, материальную помощь также в случаях военного нападения, не предусмотренного самим соглашением, а также воздействовать соответствующим образом на свою прессу”⁵.

Текст проекта инструкции содержит в себе характерный взгляд на задачу, которую советские дипломаты должны выполнять в Лиге наций. Он вытекает из прежнего опыта и наблюдений за деятельностью Подготовительной комиссии и за эффектами деятельности Женевской конференции, которые, по всей вероятности, согласно оценке Москвы не могли стать гарантом мира и безопасности. Отсюда следовали: одобрение концепции „заключения в пределах Лиги регионального пакта”, инициатором которой была Франция, а также категорическая оговорка насчёт присутствия и Франции, и Польши среди стран-участниц договора.

25.12.1933 г., в пять дней после утверждения Политбюро ЦК ВКП(б) документа о вступлении Советского Союза в Лигу наций, в интервью данном „The New York Times”, на вопрос корреспондента Дюранти, есть ли отношение СССР всегда «исключительно отрицательное»,

³ *История второй мировой войны 1838–1845*, т. 1, Москва 1973, с. 283.

⁴ *Historia Komunistycznej Partii Związku Radzieckiego*, t. 4, ks. 2, (1921–1929), *Partia Komunistyczna w walce o zbudowanie socjalizmu w ZSRR 1921–1929*, Warszawa 1979, с. 28–29.

⁵ *Документы внешней политики СССР*, т. 16, Москва 1971, с. 876–877.

Сталин ответил: „Нет, и не всегда и не при всяких условиях. Вы, пожалуй, не вполне понимаете нашу точку зрения. Несмотря на уход Германии и Японии из Лиги наций – или, может быть, именно поэтому – Лига может стать некоторым фактором для того, чтобы затормозить возникновение военных действий или помешать им. Если это так, если Лига сможет оказаться неким бугорком на пути к тому, чтобы хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира, – то тогда мы не против Лиги наций, несмотря на её колоссальные недостатки”⁶.

Цитированное высказывание Сталина является официальным подтверждением поворота во внешней политике, совершённого Советским Союзом относительно Лиги наций. Если сравнить вышеприведённое высказывание с заявлением советских руководителей, высказанным хотя бы несколько лет раньше, дело кажется бесспорным. Всё это не обозначает, по-моему, какого-то совершенного изменения стратегии в советской внешней политике. Возможно здесь говорить лишь только о повороте в тактических категориях, на который решились в Кремле после анализа изменявшейся в Европе и во всём мире политической ситуации. Этот тезис подтверждают прежде всего советские историки, авторы 12-томной работы, которая является синтезом второй мировой войны, заявляя: „В интересах борьбы за коллективную безопасность Советское правительство приняло решение о вступлении в Лигу наций. Такой шаг не означал каких-либо изменений в принципиальных основах советской внешней политики, а представлял лишь дальнейшее их развитие в новой исторической обстановке. Советская внешняя политика проявляя необходимую гибкость, добивалась своей главной цели – создания в Европе системы коллективной безопасности как залога сохранения мира”⁷.

Проблема того противоречия между теорией и практикой в советской политике имеет ещё и другой, значительно труднее прежнего, аспект, на который обратили внимание польские историографы.

Подвергая анализу вопрос, можно предположить, что названное „противоречие было причиной того, что многие западные дипломаты не могли избавиться от подозрений в неискренности по отношению к советской стороне, хотя уже тогда некоторые знатоки темы обращали внимание на добрую волю СССР в области разоружения”⁸.

Теперь постараемся несколько подробнее рассмотреть два поставленных вопроса. Обычно принимают, что полное решение тезиса

⁶ J. Stalin, Указ. соб., т. 13, с. 286.

⁷ Там же, с. 289.

⁸ W. Michowicz, *Pięćdziesiąt lat walki ZSRR o powszechne i całkowite rozbrojenie*, [w:], *50 lat ZSRR*, Łódź 1973, с. 69.

о неизбежности воен до провала капитализма имело место в 1934 г. на XVII Съезде ВКП(б), в отчётном докладе Сталина (26 января)⁹. Подвергая анализу причины экономического кризиса в капиталистических странах, выступающий обращал внимание на „небывалое обострение политического положения капиталистических стран как внутри этих стран, так и между ними”.

Ситуация, поддерживаемая возбуждённым в экономической политике крайним национализмом, подготовила повод для военных столкновений и „поставила на повестку дня войну, как средство нового передела мира и сфер влияния в пользу более сильных государств”. По мнению Сталина, очевидными элементами этого процесса были: война с Японией и Китаем, оккупация Маньчжурии, выход Японии из Лиги нации и её поход вглубь северного Китая, и наконец выход Германии из Лиги наций. Вывод, сделанный из этого советским вождём, свёлся к следующему тезису: „дело явным образом идёт к новой войне”¹⁰.

Эта война, как предполагается, будет войной между капиталистическими странами, и которая „наверняка развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран, как это имело место в ходе первой империалистической войны”¹¹.

Не подлежит сомнению – как заявил Сталин – то, что „приведёт (она) к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии и разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран”¹².

С точки зрения коммунистической доктрины и интересов, связанных с политическим и географическим положением Советского Союза, стратегическая концепция того типа имела бы своё обоснование, если бы не осложнявшаяся день от дня международная ситуация, создававшаяся в Европе, главным образом, с момента прихода Гитлера к власти и нарастающей, основанной в Москве, агрессии со стороны гитлеровского фашизма, направленной, к сожалению, на Восток, против, между прочим, Советскому Союзу.

Нарастающая волна гитлеровской агрессии, которая могла за недолгое время привести к войне, заставила, по-моему, советских руководителей временно отступить от стратегических планов ведущих к распространению революции по другим странам и выбрать один из

⁹ П. А. Жилин, *Проблемы военной истории*, Москва 1975. Известны также более ранние высказывания Сталина на эту тему, напр. Реферат о итогах июльского пленума ЦК ВКП(б) с 13.07.1928 г., Политический отчёт ЦК на XVI Съезде ВКП(б) 26.06.1930 г., там же, т. 11, с. 206–210; т. 12, с. 249–252, 257.

¹⁰ J. Stalin, указ соч., т. 13, с. 296–297.

¹¹ Там же, с. 299.

¹² Там же, с. 303.

двух тактических приёмов: либо начать действия, направленные на ликвидацию потенциальной войны путём действий, способствующих разоружению, либо „отодвинуть” войну как можно дальше от границ СССР.

Казалось бы, что наиболее современным методом было создание стройной системы коллективной безопасности, возникшей в результате или Пакта Лиги наций или же региональных пактов¹³.

Вышепредставленная интерпретация сложных путей советской политики, конечным результатом которой было решение вступить в Лигу наций, которую Советский Союз отрицал и даже относился к ней с пренебрежением, обладает, конечно, всё-таки лишь гипотетической ценностью: лишь столько может сказать историк имеющий доступ к ограниченному источнику.

Такой же ценностью обладают, вероятно размышления, касающиеся второго аспекта сталинского тезиса о неизбежности воен и его соотношения с деятельностью советских дипломатов в тридцатые годы, между прочим, на форуме Лиги наций. Вопрос ясного высказывания насчёт искренних, объективных намерений советских дипломатов или показанных (более субъективных) их замыслов в ведущихся переговорах по разоружению, является более сложным вопросом.

Однако, руководствуясь раньше принятым ходом мышления, можно полагать, что наступательный характер советской политики был обоснован внутренними причинами, а точнее – необходимостью экономического развития Советского Союза. Ликвидация вооружений могла бы создать оптимальные условия для ускорения этого процесса.

Этот механизм осознавался, несомненно, политическими кругами Запада. В связи с этим следует предполагать, что среди западных дипломатов могли возникать сомнения насчёт искренности намерений советских дипломатов, так как должен был также возникать вопрос: каким образом совместить тезис о „неизбежности воен” с лозунгом о полном разоружении. Итак, вышепредставленный ход мышления также обладает лишь весьма гипотетической ценностью.

Как известно, 18.11.1934 г. Советский Союз был официально принят в члены Лиги наций, получив постоянное место в Совете Лиги¹⁴.

Вступление СССР в Лигу наций формально закрывает период его дипломатической борьбы за выход из политической изоляции и за международно-правовое признание. В этот период СССР, стоявший вне

¹³ A. Skrzypek, *Strategia pokoju. Radziecka polityka zbiorowego bezpieczeństwa w Europie 1932–1939*, Warszawa 1979, с. 285–286.

¹⁴ *Документы внешней политики СССР*, т. 22, с. 501–503, 588–591.

версальской системы и вне Лиги наций, свою международную деятельность сосредоточивал, главным образом, на поле сражения за полное и всеобщее разоружение, так как в этом усматривал лучшую гарантию прочного мира и безопасности. Именно такая политика была жизненно важной для этого молодого (учитывая его общественно-политический строй) государства, для обеспечения его внутренней политической и экономической стабилизации.

После 1933 г. в условиях нарастающей угрозы со стороны фашизма, советские дипломаты держались принципа, что активное участие в решении основных проблем международной жизни должно посодействовать созданию условий, необходимых для достижения стратегических и политических целей СССР. Это могло гарантироваться лишь только созданием эффективной системы коллективной безопасности, основанной на блоке государств, объединённых вокруг Лиги наций, „которые – как пишет польский историк проф. Анджей Скжипек – в общих интересах частично ограничивали бы свою суверенность в пользу этой организации. Другие государства, не признающие Пакта Лиги наций, оказались бы в изоляции. Это должно было помочь сохранить мир в мире”¹⁵. Сохранение мира являлось для Советского Союза гарантией основной политической цели, которой было создание возможности строить материальные основы социализма.

У порога своей деятельности в Лиге наций Советский Союз, считавший эту организацию своего рода центром, вокруг которого следует создавать региональные системы безопасности (также и в Азии – региональный пакт Тихого океана – СССР, США, Китай)¹⁶ и одновременно стремившийся к повышению действенности Лиги, подчёркивал необходимость внесения поправок в её Устав.

Прежде всего, как утверждал Народный Комиссар Иностранных Дел М. Литвинов – войну нельзя считать средством, восстанавливающим т.н. „историческую справедливость”, так как в её итоге появляются новые очаги войны.

В следствие того, статьи Пакта Лиги (12 и 15), санкционирующие в некоторых ситуациях легализацию войны, являются неприемлемыми, и Советский Союз с одобрением относится к обязательству верифицировать их.

Из выступления М. Литвинова на XVI сессии Лиги наций ясно вытекает, что Советский Союз будет считать Лигу наций ареной большой политики, форумом обмена мнениями, переговоров, но прежде

¹⁵ А. Skgзурек, указ, соч., с. 78.

¹⁶ *Документы внешней политики СССР*, т. 16, с. 659; В. Я. Сиполс, *Советский Союз в борьбе за мир и безопасность 1933–1939*, Москва 1974, с. 96.

всего – орудием, гарантирующим мир, организацией безопасности. Советские дипломаты будут иметь в виду прежде всего эти вопросы. Слабый, зато интерес или даже никакого не вызывали у советских дипломатов работы комиссии, ибо – как пишет Анджей Скжыпек – „мучившие капиталистический мир проблемы, которые ставились в них, или разрешились уже в социалистическом обществе, или же рассматривались в Стране Советов в категориях внутренней политики”¹⁷.

Итак, основная цель заключалась в том, чтобы гарантировать миру прочный мир. Путь к этой цели ведёт, как считали в Кремле – „через строгое соблюдение членами Лиги возложенных и возлагаемых на них обязательств. Чтобы этот механизм был реальным нельзя было давать согласие на ослабление орудия санкций, к чему стремились некоторые политики, например британские в 1935 г.”¹⁸

В такой ситуации советские дипломаты начали ряд действий (о которых, впрочем, заранее сообщил Литвинов в своём первом выступлении от 1934 г.), направленных на придание большей эффективности её деятельности в защиту мира и за предотвращение войны.

Пакт Лиги наций – как известно – предоставлял возможность начать разнообразные действия против государства, которое было бы признано агрессором, от экономической блокады по совместное вооружённое выступление. Не пришлось долго ждать того, чтобы именно вопрос санкций стал основным предметом заседаний Лиги с того момента, как 3.10.1935 г. Италия объявила войну Эфиопии. Этот вопрос (СССР не поддерживал дипломатических отношений с Эфиопией) мог бы, практически, представлять собой второстепенную проблему для интересов Советского Союза, однако как сама идея, вытекающая из определения агрессора, так и идеологические мотивы (программный антиколониализм) побудили к активности советских дипломатов¹⁹.

В настоящем докладе я не буду вдаваться в подробности италийско-эфиопского конфликта, так как связанные с ним факты общеизвестны. Следует, однако, подчеркнуть, что отношение европейских держав, главным образом Франции и Великобритании, к этому конфликту очень разочаровала Советский Союз в политике Лиги.

Не подлежит сомнению факт – пишет цитированный раньше А. Скжыпек – что советские дипломаты рассчитывали на большую

¹⁷ А. Skrzypek, указ. соч., с. 80.

¹⁸ В. И. Попов, *Дипломатические отношения между СССР и Англией 1929–1939*, Москва 1964, с. 244–245.

¹⁹ А. Skrzypek, указ. соч., с. 238.

настойчивость со стороны политики западных держав, а особенно Англии и Франции, считая, что с помощью Лиги наций удастся им упрочить систему безопасности в Европе”²⁰.

Не принесла также результата советская акция, связанная с началом гражданской войны в Испании (17.07.1936 г.). В связи с этой проблемой (вопросом) Советский Союз попал в объективно трудное положение.

Руководствуясь, стремлением воспротивиться фактической агрессии в международном масштабе, не мог, по идеологическим причинам не поддерживать левых сил в борьбе за приобретение решающего влияния на форму правления в своих странах путём применения тактики единого фронта. Попытки создать эффективную систему коллективной безопасности при участии Франции и Англии не удались²¹.

И снова не вдаваясь в известные подробности попыток разрешить конфликт – в конце концов, 23.10.1936 г., увидев безрезультатность своих дипломатических усилий в связи с испанским вопросом, советское правительство начало поставку военного снаряжения и военных материалов для республиканского правительства Испании²².

Не удались также советские дипломатические акции, направленные на реформу Устава Лиги наций. Речь шла о уточнении обязательств вытекающих из этого документа, а особенно о статьях 10 и 16, а также об определении агрессора, уточнении процедуры санкции (вопрос автоматизма) и принятии принципа неделимости мира.

Не принесли результата и другие попытки советских дипломатов, направленные на упрочение буквы закона Устава Лиги наций.

Последней попыткой советских дипломатов осуществить концепцию коллективной безопасности посредством Лиги наций являлось действие, направленное на уточнение обязательств Лиги по отношению к Чехословакии в случае нападения на неё Третьего Рейха. Окончательное подписание договора в Мюнхене, ставящего выше Лиги наций диктат западных великих держав, а том числе фашистских государств, в значительной степени сказалось на отношении Советского Союза к организации международной безопасности. Как заявил в своей книге В. Матерски – польский историк – вместе с окончанием мюнхенского кризиса „активность СССР в Лиге наций резко понижается, а редкие выступления имеют целью не столько конструктивной программы безопасности, сколько использование весомости деклараций,

²⁰ Ю. В. Борисов, *Советско-французские отношения 1924–1945*, Москва 1964, с. 331.

²¹ I. Majski, *Wspomnienia ambasadora radzieckiego*, t. 2, Warszawa 1968, с. 412, 455.

²² A. Skrzypek, указ. соч., с. 297; W. Materski, *Narodziny ONZ (Idea międzynarodowej organizacji bezpieczeństwa w polityce zagranicznej ZSRR 1941–1945)*, Warszawa 1982, с. 29–30.

произносимых на форуме Лиги для популяризации позиции, занимаемой Советским Союзом”²³.

Резко понижающаяся заинтересованность СССР в деятельности Лиги наций продолжалась ещё около года. 14.12.1939 г. XX сессия Ансамблей Лиги наций исключила Советский Союз из организации, назвав его агрессором в связи с советско-финской войной, которая началась 30.11.1939 г.²⁴

Пять лет деятельности Советского Союза в Лиге наций – это период его усилий за сохранение мира в мирном масштабе путём создания эффективной системы коллективной безопасности, которой страны-участницы были бы подготовлены к применению милитаристических или хотя бы экономических санкций по отношению к государству-агрессору. Однако начинаемые советскими дипломатами политические действия на принесли Москве ожидаемых результатов. Большим препятствием для реализации этой политики оказался пацифизм, выступавший среди обществ западных держав, который считал, что „сохранение мира путём применения милитаристских санкций – путём применения войны, противно принципу уклонения и отречения от войны, и готов был во избежание её понести большие утраты. Такое мнение оказалось исторически ошибочным”²⁵.

Однако, период функционирования СССР в структуре Лиги наций имел, по-моему, некоторое значение – способствовал приобретению необходимого – хотя, к сожалению, негативного опыта, который был успешно использован советскими дипломатами в период создания новой, более эффективной организации безопасности – т.е. Организации Объединённых Наций.

Pawel Chmielewski

POLITYKA ZAGRANICZNA ZWIĄZKU RADZIECKIEGO
NA RZECZ UTRZYMANIA POKOJU I BEZPIECZEŃSTWA MIĘDZYNARODOWEGO
DO II WOJNY ŚWIATOWEJ

Zdaniem autora, zadeklarowaną w dniach przewrotu bolszewickiego 1917 r. politykę na rzecz utrzymania pokoju i bezpieczeństwa międzynarodowego Rosja Radziecka mogła praktycznie podjąć dopiero od połowy lat dwudziestych, gdy po układzie w Rapallo i „roku uznań” (1924)

²³ W. Materski, указ. соч., с. 31.

²⁴ *Сравни на эту тему:* А. С. Протопопов, *СССР, Лига Наций и ООН*, Москва 1968, с. 62–64; Р. М. Илюхина, *Октябрь, проблемы мира и Лига наций* [в:] *Великая Октябрьская Социалистическая Революция и страны Западной Европы*, Москва 1978, с. 209.

²⁵ S. Skrzypek, *Polityka ZSRR w Lidze Narodów w latach 1934–1938*, [в:] *Szkice z historii polityki zagranicznej ZSRR*, red. P. Łassowski, Wrocław 1977, с. 99.

stała się zauważalnym podmiotem polityki międzynarodowej. Tematem „numer 1” jej polityki zagranicznej stał się wówczas problem rozbrojenia. W końcu lat dwudziestych (1928–1929) Rosja Radziecka, widząc ograniczone możliwości uczestniczenia w międzynarodowym ruchu na rzecz rozbrojenia w ramach Ligi Narodów, podjęła działania poza prawnomiędzynarodową strukturą Ligi, których efektem było podpisanie w Moskwie protokołu w sprawie natychmiastowego wejścia w życie paktu Brianda-Kelloga.

W latach trzydziestych ZSRR, będąc już członkiem Ligi, nie rezygnował z koncepcji stworzenia systemów regionalnych w Europie widząc w nich swego rodzaju alternatywę dla kreowania systemu globalnego bezpieczeństwa, które miało być zagwarantowane przez sam fakt istnienia Ligi.

Wstąpienie do Ligi Narodów nie oznaczało żadnych zmian w zasadniczych podstawach radzieckiej polityki zagranicznej, a jedynie wskazywało na jej elastyczność w dążeniu do głównego celu – utworzenia w Europie systemu zbiorowego bezpieczeństwa jako gwarancji utrzymania pokoju.

W dalszej części referatu autor rozważa przyczyny owego zwrotu w polityce zagranicznej ZSRR, który stał w swego rodzaju sprzeczności wobec stalinowskiej tezy o nieuchronności wojen.